

БЕДНАЯ ЛИЗА

Джоконда мне не нравится. Она так смотрит, как будто уже умерла. Лицо довольно противное. И она никого не любит. Мне всегда непонятно было, чего в ней такого замечательного. В институте нам объясняли, что это полуулыбка: то ли да, то ли нет, вот сейчас она шевельнется – эта неопределенность притягивает. Меня никогда не притягивала.

Потому что вот Рембрандт, например, он греет. Ты входишь в комнату, набитую народом, наполненную чужим дыханием, возгласами и шарканьем шагов, а он греет – темный, из маленькой рамы, в углу.

А она – нет.

Их называли титанами Возрождения. Титан это что-то сверхъестественное. Не человек. Вот для меня Леонардо больше всех – не человек. Не зря его Мережковский так страшился. Это безупречная структура. В Микеланджело, скажем, – в нем страсть, и печаль, и все это такое великолепное, но все-таки это взято у людей; а в Рафаэле веселая чувственность и радость жизни – и это состояния души, которые можно разделять.

А Леонардо это другое. В нем есть свет, но он такой немыслимо далекий. Такой идеальный. Его можно только созерцать – как зыбкое сияние посмертия.